

УНИВЕРСИТЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ВЫСШАЯ ШКОЛА РАЗВИТИЯ

Влияние войны в Украине на миграционные потоки в Центральной Азии

Алексей Ощепков

Школа бизнеса и экономики, Свободный университет Берлина

Канат Тилекеев

Высшая Школа Развития, Университет Центральной Азии

Кристофер Герри

Высшая Школа Развития, Университет Центральной Азии

УНИВЕРСИТЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ВЫСШАЯ ШКОЛА РАЗВИТИЯ

Аналитическая записка #1

Влияние войны в Украине на миграционные потоки в Центральной Азии

Алексей Ощепков

Школа бизнеса и экономики, Свободный университет Берлина

Канат Тилекеев

Высшая Школа Развития, Университет Центральной Азии

Кристофер Герри

Высшая Школа Развития, Университет Центральной Азии

Университет Центральной Азии (УЦА) был основан в 2000 году как частный, некоммерческий, светский университет на основании Международного договора, подписанного президентами Таджикистана, Кыргызской Республики и Казахстана и Его Высочеством Ага Ханом, ратифицированного их парламентами и зарегистрированного в Организации Объединенных Наций. Президенты являются покровителями университета, а Его Высочество является канцлером. Миссия УЦА - способствовать социально-экономическому развитию Центральной Азии, особенно её горных сообществ. Университет предлагает высшее образование на основе международно признанных стандартов, позволяя народам региона сохранять свое богатое культурное наследие в качестве активов на будущее. УЦА несёт в себе более широкие обязательства и партнерство Сети Ага Хана по развитию. Дополнительная информация: www.ucentralasia.org.

Авторское право © 2024

Университет Центральной Азии

720001, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Токтогула, 125/1

E-mail: gsdinfo@ucentralasia.org

Содержание настоящего документа является исключительно предметом ответственности авторов и ни в коей мере не является отражением взглядов Университета Центральной Азии и ни в коей мере не является отражением взглядов Университета Центральной Азии.

Основные выводы

- Война в Украине вызвала значительный рост потоков населения из России в Центральную Азию, как с целью туризма, так и с целью переселения.
- Релоканты из России преимущественно высококвалифицированные, что должно принести серьезные потенциальные выгоды для экономического и технологического развития стран ЦА.
- Для реализации этого потенциала национальным правительствам необходимо разработать как экономические, так и неэкономические меры, которые могли бы помочь экономикам абсорбировать этот шок предложения.
- Трудовая миграция из ЦА в Россию (почти) не отреагировала на войну и связанные с ней проблемы, а заметное увеличение притока денежных переводов, скорее всего, произошло за счет переводов российских граждан.
- Учитывая высокую зависимость от денежных переводов из России, национальные правительства стран Центральной Азии должны продолжать следить за текущими тенденциями и иметь готовые решения на случай, если российский рынок будет становиться менее привлекательным для их работников.

Контекст

Страны Центральной Азии исторически имеют тесные миграционные связи с Российской Федерацией. Потоки мигрантов из Центральной Азии в Россию, в настоящее время представляющие из себя преимущественно трудовую миграцию, берут свое начало не только в общем языке, но и в общем политическом, экономическом и культурном наследии, и отражают продолжающиеся тесные социальные и экономические отношения между странами. В течение последних двух десятилетий денежные переводы из России составляли значительную часть доходов домохозяйств в Таджикистане, Кыргызстане, Узбекистане и в некоторой степени в Казахстане. В этом смысле они сыграли решающую роль в поддержании уровня жизни и борьбе с бедностью, а также способствовали инвестициям в человеческий капитал (Alpaslan et al., 2021; World Bank, 2023). Действительно, когда в 2020 году были введены миграционные ограничения, связанные с пандемией COVID-19, сокращение денежных переводов стало серьезным экономическим шоком – особенно для Кыргызстана и Таджикистана.

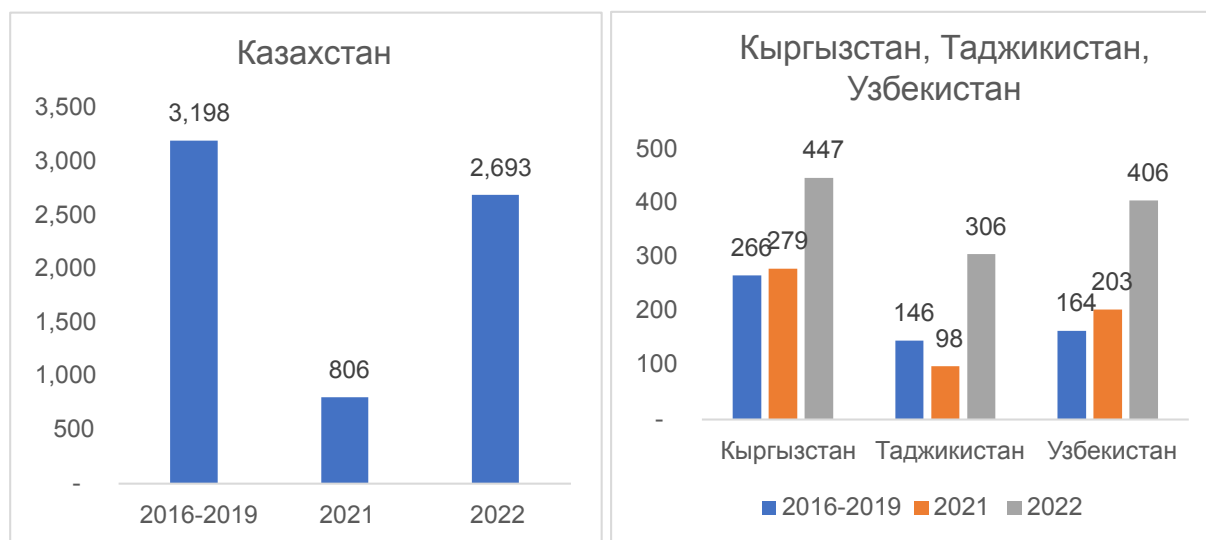
Именно тогда, когда потоки денежных переводов начали восстанавливаться после пандемии COVID-19, вторжение России в Украину в феврале 2022 года ознаменовало новый «шок» для транснациональной миграции в бывшем советском регионе, а также за его пределами. Помимо массового оттока украинцев в Европу и другие страны, произошли изменения в миграции выходцев из Центральной Азии в Россию, а также возникла новое направление миграции из России в Среднюю Азию. Хотя эмиграция (или реаллокация) из России имела международный характер, притягательные факторы Центральной Азии очевидны: безвизовый режим с Россией, географическая и культурная близость, языковая общность и сравнительно более низкая стоимость жизни.

Характер и масштаб этой вызванной войной миграции и ее потенциальные эффекты для принимающих стран ранее систематически не изучались и потому являются темой данной аналитической записки.

Эмиграция россиян в Центральную Азию в 2022 году

Хотя данные за 2022 год показывают сокращение числа россиян, выезжающих в западные страны, отъезд во мно1Приток российских граждан в Казахстан в 2022 году также резко вырос (более чем в три раза), но при этом остался на более низком уровне по сравнению с допандемийным периодом (Рисунок 1). Число выездов в Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан в 2022 году увеличилось более чем вдвое — в целом более чем на полмиллиона человек — по сравнению с показателями допандемийного периода (Рисунок 1). Рост числа выездов россиян варьируется по странам: от 68% (в Кыргызстан) до 148% (в Узбекистан).

Рисунок 1. Выезд граждан России в страны Центральной Азии в 2016-2022 гг. (тыс. чел.)

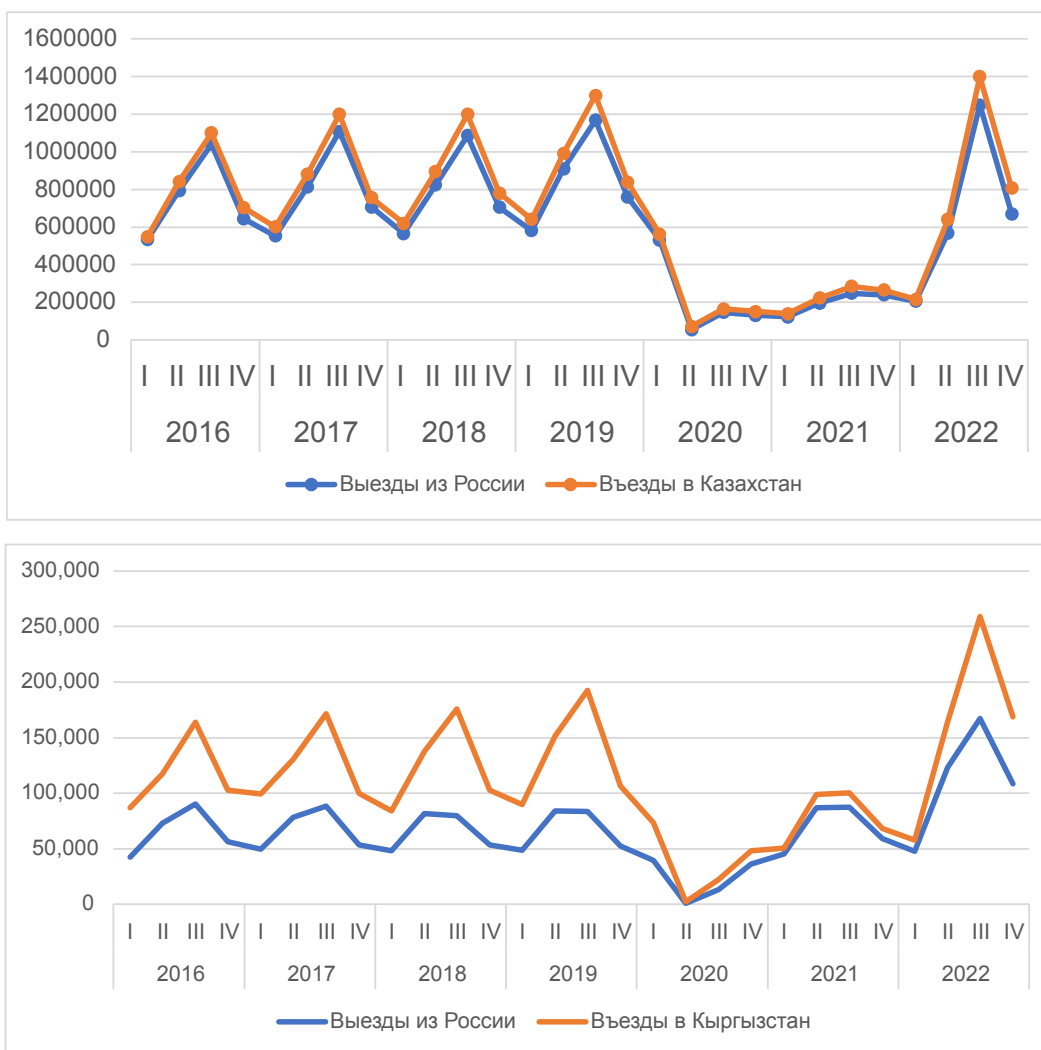

Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

Конечно, далеко не весь рост числа выездов россиян в страны ЦА был связан с эмиграцией. В этих цифрах содержатся также выезды с целью туризма, возросшие вследствие перенаправления туристических потоков из стран Запада, двойной счет отъезжающих граждан, а также «карточный туризм», возникший в результате ограничений, введенных против российских банков после начала войны. (Многие Россияне посещали Среднюю Азию просто для того, чтобы открыть счета в местных банках и получить карты международных платежных систем). Другими словами, эти цифры отражают лишь возможную верхнюю оценку числа российских эмигрантов, переехавших в Центральную Азию в 2022 году.¹

¹ Статистика международной миграции содержит в себе большие пробелы, связанные с ограниченностью доступа к данным. Вследствие этого, представленный анализ ограничивается официальными данными, полученными из открытых источников, запросов данных, а также из публикаций в СМИ.

Рисунок 2. Выезды российских граждан из России в сравнении с их въездами в Казахстан и Кыргызстан в 2016-2022 гг., человек

Источник: расчеты авторов на основе данных статистических органов России, Кыргызстана и Казахстана

На Рисунке 2 представлены выезды российских граждан из России по данным российских источников в сравнении с их въездами в Казахстан и Кыргызстан по данным соответствующих национальных статистических органов. В обоих случаях выезды сильно коррелируют с въездами и демонстрируют схожую сезонность: приток россиян увеличивался с 1-го по 3-й квартал, а затем снижался в 4-м квартале. Послепандемийное восстановление притока россиян в Казахстан в 2021 году было выражено заметно слабее, чем в Кыргызстан.

Число въездов россиян в обе страны превышает количество их выездов из России. В случае Казахстана выезды из России составили около 90% всех въездов российских граждан в Казахстан. В Кыргызстане этот процент был заметно меньше и колебался от 55% до 80%. Большой разрыв между выездами и въездами в Кыргызстан можно объяснить транзитом российских граждан в Кыргызстан через другие страны. Это также показывает, что выезд россиян из России может в заметной степени недооценивать приток россиян в страны, не имеющие общей сухопутной границы с Россией.

Как отмечалось ранее, хотя число въездов российских граждан в Казахстан существенно увеличилось в 2022 году, оно все еще осталось ниже допандемийного уровня. Однако, если мы рассмотрим *чистые въезды*² россиян в Казахстан, то обнаружим, что в 2022 году их число достигло почти 93 тыс. в сравнении с 17 тыс. в 2021 году и максимумом в 12 тысяч в предпандемийный период (2016-2019 годы). Ежемесячные данные о чистых въездах показывают, что их пик в более чем 150 тыс. пришелся на сентябрь 2022 года, в период, когда в России была объявлена частичная военная мобилизация. Еще одним индикатором, отражающим вызванную войной эмиграцию в Казахстан, является рост числа вновь выданных *видов на жительство*³, выданных россиянам: этот показатель вырос с 3-4 тыс. в 2016-2021 годах до 7,7 тыс. в 2022 году.

Соответствующая статистика по российским гражданам, переехавшим в Кыргызстан, менее информативна, но все же достаточно ясно сигнализирует о росте иммиграции из России. Въезды из России в Кыргызстан достигли пика в 2022 году — 446,6 тыс. (Рисунок 1), при этом количество новых *регистраций*⁴ в 2022 году составило 273 тыс., что на 30% больше, чем в 2021 году, а число россиян, получивших гражданство Кыргызстана, увеличилось в 2022 году до 1085 чел. с 386 чел. в 2021 году. Данные по Узбекистану и Таджикистану еще более ограничены и не позволяют сделать какие-либо выводы, кроме того, что рост выездов из России в эти страны заметно вырос (Рисунок 1).

Чтобы понять последствия иммиграции, необходимо знать не только ее масштабы, но и ее состав. Агрегированная миграционная статистика не может пролить свет на состав российской эмиграции, но в этом могут помочь результаты существующих обследований эмигрантов (подробности приведены см. во Вставке 1). Опросы показывают, что типичные эмигранты из России в 2022 году были намного моложе среднероссийского населения: их средний возраст варьируется по опросам от 30 до 32,5 лет (против 40,5 лет в России) с доминирующей возрастной группой 25-34 года. Эмигранты также были более образованы по сравнению с типичными гражданами России: 70-80% из них имели высшее образование или ученую степень. Гендерный состав иммиграции различается в зависимости от периода проведения опроса. Опросы, проведенные в первой половине 2022 года, сразу после начала войны, показывают почти равную долю мужчин и женщин среди эмигрантов, тогда как опросы, проведенные осенью, показывают более высокую долю мужчин. Это является очевидным следствием частичной военной мобилизации в России в сентябре-октябре 2022 года.

Опросы также показывают, что подавляющее большинство эмигрантов это выходцы из крупных российских городов. Их доходы в среднем выше, чем среди всего российского населения в целом, причем 93-97% из них имели работу до отъезда из страны. Большинство из них принадлежат к профессиям «белых воротничков», владеют английским языком и, как правило, работают в сфере информационных технологий, искусства и дизайна, науки, образования, а также средств массовой информации. Таким образом, консенсусный вывод проведенных обследований состоит в том, что российские эмигранты представляют собой людей на пике трудоспособного возраста,

2 Чистые въезды — положительная или отрицательная разница между въездами и выездами граждан через границу — отражают число въехавших людей и оставшихся в стране в течение определенного периода времени.

3 Вид на жительство обычно выдается на длительный период (например, на 10 лет в Казахстане) и требует, среди прочего, определенного минимального уровня дохода и подтвержденного места жительства.

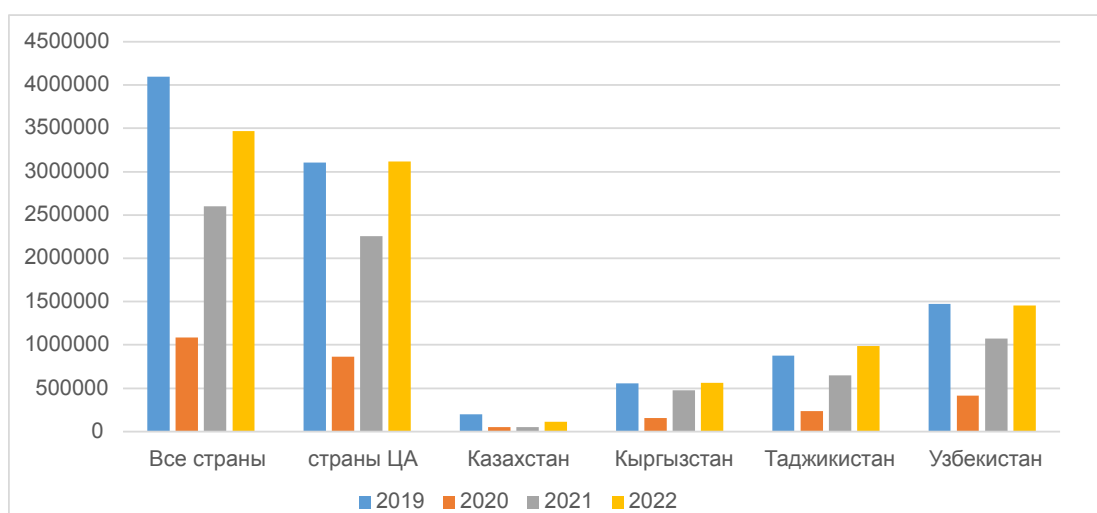
4 Регистрации показывают количество иностранцев, получивших официальную регистрацию по определенному адресу. Продолжительность легального периода пребывания без регистрации различается в странах ЦА: от до 3 дней в Казахстане до 30 дней в Кыргызстане. Доступные сроки регистрации (или пребывания после регистрации) также различаются: от 90 дней в Казахстане до 1 года в Таджикистане.

с высокой квалификацией и доходами, в основном из крупных российских городов. В то время как эта «утечка мозгов» и потеря человеческого капитала должны иметь негативные последствия для России, она открывает интересные возможности для принимающих стран, которые захотят использовать этот человеческий капитал.

Изменения в миграции из Центральной Азии в Россию

Две основные причины миграции из стран Центральной Азии в Россию: трудовая миграция и значительная доля русского этноса среди граждан стран региона. Трудовая миграция является причиной большей части миграционных потоков из Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана, тогда как вторая причина более характерна для Казахстана. Два типа данных позволяют проанализировать тенденции трудовой миграции – въезды в Россию и регистрации по месту жительства иностранных граждан. Въезды из стран Центральной Азии в Россию демонстрируют рост в 2022 году на 50% по сравнению с 2021 годом. Аналогичную картину показывают и въезды с целью трудоустройства, которые отражают трудовую миграцию (Рисунок 3).

Рисунок 3. Въезды иностранных граждан в Россию с целью работы в 2019-2022 гг, человек

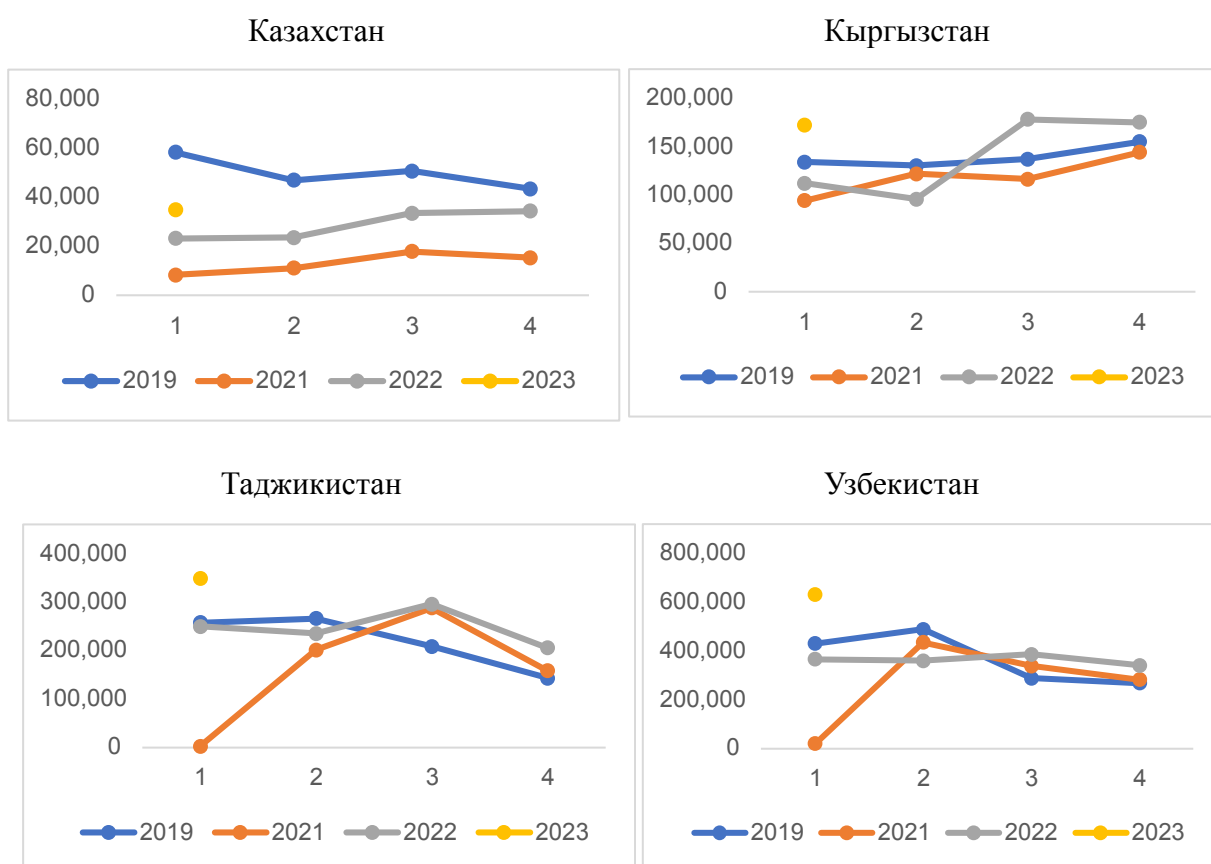
Источник: расчеты авторов на основе данных Пограничной службы ФСБ России, опубликованных Росстатом.

Их число выросло в 2022 году почти на 40% по сравнению с 2021 годом и достигло 3,1 млн человек — уровня, наблюдавшегося до пандемии. Однако восстановление потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии происходило по-разному. Хотя миграция из Казахстана увеличилась с 2021 по 2022 год более чем вдвое, она все еще не достигла допандемийного уровня. Объем трудовой миграции из Таджикистана вырос примерно в 1,5 раза и заметно превысил допандемийный уровень, в то время как число въездов трудовых мигрантов из Кыргызстана и Узбекистана увеличилось на 18% и 35% соответственно, почти достигнув уровня 2019 года.

Поквартальная динамика въездов внутри 2022 года также не демонстрирует видимого эффекта войны (Рис. 4). Динамика въездов с целью работы из Казахстана в 2022 году была аналогична тенденциям, наблюдавшимся в 2021 году. В Кыргызстане наблюдалось нетипичное падение въездов во 2 квартале 2022 года, но уже в следующем квартале число въездов резко возросло и превысило соответствующий уровень 2021 года. Это говорит о том, что даже если какой-то негативный эффект войны на миграцию из Кыргызстана в Россию и имел место, то

он был временным. Для Таджикистана и Узбекистана динамика въездов искажена из-за низкой базы 1 квартала 2021 года.⁵ Тем не менее, данные также свидетельствуют об отсутствии видимой реакции въездов с целью поиска работы из этих стран в Россию в 2022 году. Первые доступные данные по въездам из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана за 1 квартал 2023 года демонстрируют рост по сравнению с уровнем 2022 года. В целом, хотя существует вероятность того, что трудовая миграция из Центральной Азии в Россию была бы выше, если бы не началась война, данные о въездах граждан Центральной Азии в Россию в 2022 году не показывают видимой негативной реакции на нее.

Рисунок 4. Квартальная динамика въездов с целью работы граждан стран Центральной Азии в Россию в 2019 г. и 2021-2023 гг., человек

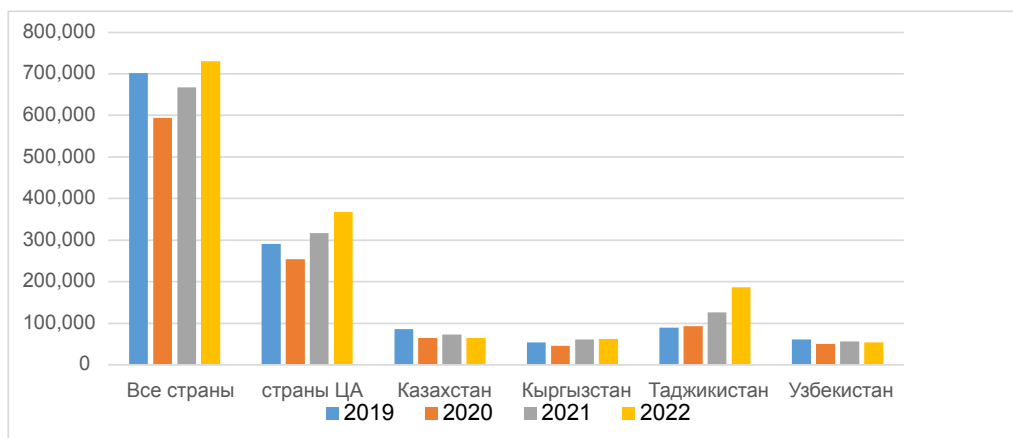
Источник: расчеты авторов на основе данных Пограничной службы ФСБ России, опубликованных Росстатом.

Данные по регистрациям по месту жительства, которые отражают иммиграцию с долгосрочными целями (включая работу, а также учебу или личные цели), дают дополнительное представление об изменениях в динамике трудовой миграции. В этой статистике учитываются только регистрации сроком от 9 месяцев и более. Общее количество новых регистраций увеличилось в 2022 году почти на 62,5 тыс., т.е. на 9,5% по сравнению с 2021 годом, и достигло 730 тыс., что несколько выше, чем в 2019 году (Рисунок 5). Примерно половина из этого числа приходится на мигрантов из Центральной Азии, причем половину из них составляют граждане Таджикистана. Действительно, общий прирост мигрантов из Центральной Азии в Россию в 2022 году практически полностью объясняется ростом иммиграции из Таджикистана. Число

⁵ Прямое авиасообщение между Узбекистаном, Таджикистаном и Россией открылось только в апреле 2021 года.

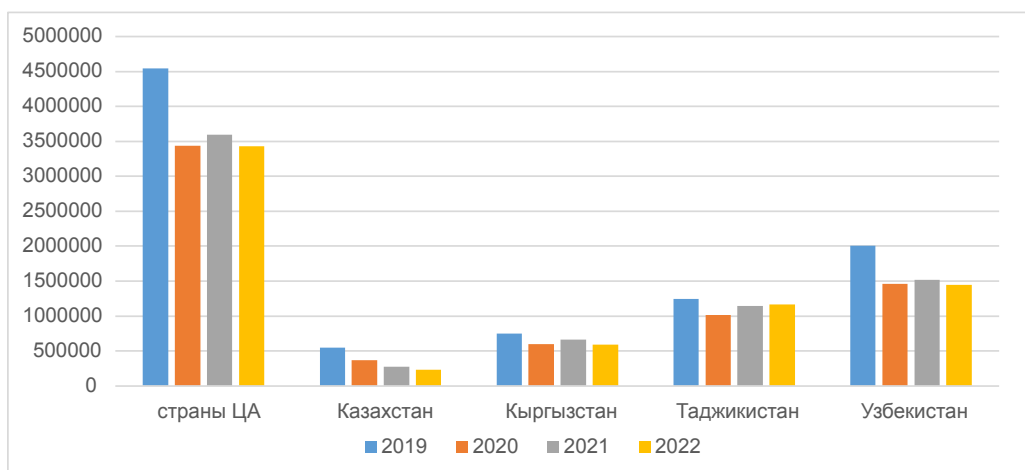
зарегистрированных жителей Таджикистана выросло почти на 60 тыс. чел. и более чем вдвое превысило показатель 2019 года.⁶ Число зарегистрированных кыргызстанцев увеличилось на скромные 1,25 тыс. (2,1%), но все же превысило уровень 2019 года на 16%. Число новых регистраций граждан Казахстана и Узбекистана в 2022 году несколько снизилось, оставаясь ниже допандемийного уровня (Рисунок 5).

Рисунок 5. Новые регистрации иностранных граждан в России в 2019-2022 гг.

Источник: расчеты авторов на основе данных Министерства внутренних дел, опубликованных Росстатом.

Рисунок 6. Численность иностранных граждан в России в 2019-2022 гг (на 1 декабря), человек

Источник: расчеты авторов на основе данных «Российская экономика...» (2023)

Общее число граждан Центральной Азии, зарегистрированных в России в 2022 году, несколько снизилось по сравнению с 2021 годом и осталось на уровне существенно ниже допандемийного уровня (Рисунок 6). Большая часть этого снижения произошла за счет числа граждан Узбекистана. Единственной группой, в которой в 2022 году наблюдался небольшой рост (на 2,2%), стали граждане Таджикистана, что соответствует данным о новых регистрациях. Тем не менее, число зарегистрированных в России таджиков по состоянию на декабрь 2022 года все равно оказалось на 6% меньше, чем в 2019 году. Число зарегистрированных мигрантов из других стран Центральной Азии – Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана – было ниже в 2022 году на 15%, 11%, и 5% соответственно, что заметно ниже соответствующих показателей 2019 года. В целом,

6 Резкий рост регистраций граждан Таджикистана ранее отмечали российские эксперты по международной миграции, однако никаких объяснений этому не было предложено (см. «Российская экономика...», 2023).

имеющиеся данные по регистрациям по месту жительства, в отличие от статистики въездов, позволяют предположить некоторую негативную реакцию граждан стран Центральной Азии на войну в Украине.⁷

В поисках других свидетельств влияния войны на миграцию из Центральной Азии в Россию рассмотрим ситуацию с денежными переводами, которые вероятно являются связанными с трудовой миграцией, поскольку любые изменения в трудовой миграции должны отражаться на сумме денег, переводимых трудовыми мигрантами. В Таблице 1 ниже показано, что во всех странах Центральной Азии наблюдался рост совокупного притока денежных переводов в 2022 году, хотя и в разной степени. Наименьший рост наблюдался в Кыргызстане – на 10%, до \$3,100 млн, что, однако, на 30% выше, чем в 2019 году. Хотя пропорционально рост в Казахстане (на 55% по сравнению с 2021 годом) был больше, чем в Кыргызстане, объем денежных переводов в 2022 году все еще был меньше, чем в 2019 году, и составлял лишь незначительную долю ВВП. Лидерами по темпам роста в 2022 году стали Таджикистан и Узбекистан, где приток увеличился примерно в 1,8 раза по сравнению с 2021 годом и достиг рекордных показателей в \$5,3 и \$16,7 млрд соответственно, что эквивалентно 51% и 21% ВВП этих стран в 2022 году.

Таблица 1. Приток денежных переводов из России в государства Центральной Азии в 2019-2022 гг., млн. долл. США

Страна	2019	2020	2021	2022		
				млн долл США	% of 2021	% ВВП
Казахстан	506.1	374.4	309.9	480.9	155.2	0.2
Кыргызская Республика	2400	2400	2800	3100	110.7	27.9
Таджикистан	2300	2200	2900	5300	182.8	50.9
Узбекистан	8500	7100	9300	16700	179.6	20.8

Источник: <https://www.migrationdataportal.org/>

Почти весь этот рост был вызван ростом денежных переводов, поступающих из России. Например, переводы из России в Кыргызстан и Узбекистан выросли в 2022 г. на \$480 млн. и \$8900 млн., соответственно. Этот рост был непропорционально большим по сравнению с (неочевидным) ростом числа трудовых мигрантов, описанным выше. Значительная часть возросшего финансового притока, скорее всего, была связана с оттоком капитала из России и укреплением курса рубля. К сожалению, из-за решения ЦБ РФ приостановить публикацию статистики трансграничных денежных переводов после 1 квартала 2022 года не представляется возможным разграничить переводы граждан стран Центральной Азии и переводы граждан России. Поэтому невозможно изучить фактические изменения в объеме денежных переводов, отправляемых трудовыми мигрантами из стран Центральной Азии в страны своего постоянного проживания.⁸

7 Согласно результатам ежемесячного телефонного опроса «Слушая Таджикистан» (L2T), в первой половине 2022 года по сравнению с 2021 годом произошло значительное увеличение количества домохозяйств, в которых хотя бы один член домохозяйства работал за границей (Всемирный банк, 2023). Например, в мае 2021 года (а также в мае 2019 года) доля таких домохозяйств составляла около 32%, тогда как в мае 2022 года она составляла уже 48%. Однако уже осенью 2022 года этот разрыв полностью исчез, что свидетельствует о негативной реакции на частичную мобилизацию в России.

8 Косвенные данные, доступные по Таджикистану, позволяют предположить, что некоторое увеличение объема денежных переводов, поступающих от таджикских трудовых мигрантов, могло иметь место. По данным исследования «Слушая Таджикистан», проверенного Всемирным банком, в Таджикистане доля домохозяйств, получающих денежные переводы, увеличилась в 2022 году до 17 процентов по сравнению с 13 процентами в 2021 году (Всемирный банк, 2023).

Меры госполитики стран Центральной Азии

Примечательно, что реакция правительств Центральной Азии на приток иммигрантов из России в целом ограничилась сохранением статус-кво в правилах въезда и пребывания.

Правительства Таджикистана и Узбекистана ничего не изменили в отношении регулирования приезда российских граждан. В Узбекистане новое соглашение с Россией вступило в силу в июне 2022 года, но было подписано более чем за год до этого.⁹ Согласно этому соглашению, вновь прибывшим гражданам России необходимо зарегистрироваться через 15 дней после приезда, чтобы получить доступ к временному проживанию на срок до 6 месяцев. Кроме того, иностранные граждане могут постоянно проживать на территории только при наличии удостоверения личности иностранного гражданина.¹⁰ Таджикистан предоставил гражданам России безвизовый въезд на основании многостороннего соглашения 2000 года с участием России, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана.¹¹ Вновь прибывшим гражданам России разрешается находиться без визы до 90 дней, после чего необходимо получить визу согласно заявленной цели – туристическую, рабочую, деловую, официальную или дипломатическую.

В августе 2022 года правительство Кыргызстана активно таргетировало российских ИТ-специалистов путем введения статуса «цифрового кочевника».¹² Такой статус позволяет освободиться от требования регистрации по месту жительства и необходимости получения разрешения на работу, получить возможность зарегистрировать юридическое лицо и иметь право открывать и использовать счета в банках Кыргызской Республики по упрощенной процедуре. Первоначально этот статус предлагался гражданам шести стран – Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Молдовы и России, а затем в ноябре 2023 года список был расширен за счет Великобритании, Германии, Индии, США, Южной Кореи и Японии. Почти 4000 человек подали заявку на получение статуса «цифрового кочевника» и 1588 получили этот статус.¹³

В то время как Казахстан и Кыргызстан являются членами Евразийского экономического союза, объявленного единым экономическим пространством со свободным перемещением людей и капитала, применяемая практика стала отличаться от декларативных норм, отражая изменения, произошедшие после начала войны на Украине. С начала 2023 года Казахстан изменил правила въезда и пребывания иностранных граждан, включая граждан России. С конца января 2023 года иностранные граждане, въезжающие в Казахстан без визы, могут находиться в стране 30 дней, но не более 90 календарных дней в течение периода в 180 календарных дней.¹⁴ По истечении этого периода иностранцам необходимо зарегистрироваться на постоянное место жительства в стране.

Кыргызстан также изменил свой подход к иммиграции в августе 2023 года.¹⁵ Изменения предполагают передачу решений о порядке въезда, выезда, транзита, перемещения и пребывания граждан иностранных государств на территории Кыргызстана в ведение Кабинета Министров.

9 <https://lex.uz/docs/6065556>

10 <https://lex.uz/docs/5443901>

11 https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1736719/

12 <https://www.gov.kg/ru/npa/s/4053>

13 <https://economist.kg/novosti/2023/09/14/za-odin-ghod-status-tsifrovoi-kochievnik-poluchili-1588-spietsialistov/>

14 <https://www.gov.kz/memleket/entities/migration/press/news/details/494569?lang=ru>

15 <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112669?cl=ru-ru>

Уже в октябре 2023 года Кабмин утвердил новое положение о порядке пребывания иностранных граждан. Аналогично решению правительства Казахстана, новые правила сокращают возможность пребывания иностранцев более 90 дней в течение 180 календарных дней. По истечении этого срока иностранным гражданам необходимо зарегистрироваться на постоянное пребывание в стране.¹⁶

Таким образом, реакция национальных правительств была до сих пор достаточно ограниченной и в основном сводилась к желанию усилить мониторинг и контроль над присутствием российских граждан (в случаях Кыргызстана и Казахстана) или вообще к отсутствию видимых политических решений (в случае Таджикистана и Узбекистана).

Обсуждение

В 2022 году, в период восстановления экономик после пандемии, большинство постсоветских стран, включая Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан, испытали непредвиденный приток россиян, вызванный войной на Украине. Грубые оценки, основанные на имеющейся статистике миграции, показывают, что около 65 000 россиян могли переехать в Кыргызстан, 75 000–100 000 – в Казахстан и около 100 000 – в Узбекистан. Оценки по Таджикистану невозможны из-за недостатка информации.

Существующие опросы российских мигрантов сходятся в том, что эта волна в основном состоит из высококвалифицированных, относительно молодых и экономически активных людей из крупных российских городов. Этот факт делает ее потенциально выгодной для принимающих стран, и имеющаяся исследовательская литература предполагает положительные среднесрочные и долгосрочные экономические последствия такой иммиграции для принимающих стран, включая развитие предпринимательства и создание новых фирм (Audretsch et al., 2010; Jahn and Steinhardt, 2023), рост инноваций (Hunt and Gauthier-Loiselle, 2010), повышение общей производительности труда и экономического роста (Burchardi et al., 2020; Dolado et al., 1994), увеличение совокупного спроса, а также влияние на рынок труда (Edo, 2018).

Относительно большие масштабы эмиграции высококвалифицированных специалистов из России и ее потенциально сильное влияние должны привлечь внимание национальных политиков в Центральной Азии. Однако, насколько нам известно, системного подхода к этому вопросу пока не сформулировано. Большинство принимающих стран в целом сохранили статус-кво в иммиграционных правилах, а также в экономической и социальной политике в отношении миграции и мигрантов. В какой-то степени такая нерешительность может иметь политические причины, поскольку эта волна миграции является чувствительным политическим и экономическим вопросом для России. В равной степени объяснение может заключаться в уникальности сложившихся обстоятельств: массовая иммиграция высококвалифицированных горожан в относительно менее развитые страны – явление редкое в исторической перспективе.

Тем не менее, как экономическая теория, так и предыдущий опыт других принимающих стран однозначно предполагают, что такая иммиграция несет в себе серьезные потенциальные выгоды для экономического и технологического развития стран ЦА. Однако для реализации

16 <https://mfa.gov.kg/ru/zhogorku-menyu/press-kyzmaty/novosti/kr-timinin-2023-zhyldyn-16-oktyabryna-karata-maalymattyk-bildirs?ref=economist.kg>

этого потенциала национальным экономикам необходимо разработать меры, помогающие абсорбировать и интегрировать данный приток высококвалифицированной рабочей силы. В то время как сторона спроса должна в долгосрочной перспективе адаптироваться к увеличению предложения высококвалифицированной рабочей силы за счет расширения капитала и технологического развития (Lewis, 2011; Ottaviano and Peri, 2012), национальные правительства должны попытаться облегчить этот процесс, например, посредством кредитной экспансии и целевых инвестиций в необходимую инфраструктуру и поддержку институционального развития.

На этом фоне не следует забывать, что эта волна миграции не отражает добровольное перемещение рабочей силы, основанное на экономическом сопоставлении выгод и издержек переезда, а в основном вызвана войной и связанными с ней обстоятельствами – фактором, который находится вне контроля мигрантов и предполагает дополнительные политические соображения для принимающих стран Центральной Азии. Предыдущие исследования склонны отличать этот вид миграции от «стандартной» «экономической» миграции, поскольку она связана с большей неопределенностью, меньшим соответствием структуре спроса на рабочую силу в принимающих странах и, как правило, худшими перспективами на рынке труда (Becker and Ferrara, 2019; Brell et al., 2020; Dustmann et al., 2017). В этом отношении любые неэкономические меры, которые могли бы помочь уменьшить эту неопределенность и издержки интеграции для эмигрантов – например, предоставление информации о существующих правилах и законах об иммиграции и проживании, предоставление равного доступа к государственным услугам и учреждениям, содействие анти-дискриминационной политике и прочие подобные меры – будут восприняты положительно.

По состоянию на начало 2024 года многие российские мигранты уже переехали из Центральной Азии в другие страны или вернулись в Россию. Однако, принимая во внимание то, что основные «выталкивающие» факторы, связанные с войной, похоже, сохранятся в течение относительно длительного времени, а барьеры и издержки переезда в развитые западные экономики высоки, можно предположить, что постсоветские страны останутся реальной альтернативой для значительной части российских мигрантов (как текущих, так и будущих), по крайней мере, в среднесрочной перспективе. Таким образом, принимающие страны имеют уникальную возможность использовать этот человеческий капитал для своего экономического развития. Такую возможность не следует упускать из виду или воспринимать легкомысленно.

Наконец, что касается трудовой миграции из Центральной Азии в Россию, то вопреки нашим первоначальным ожиданиям, наш анализ не выявил существенного снижения ее масштабов в 2022 году. Однако, несмотря на увеличение количества въездов граждан стран Центральной Азии в Россию в целях трудоустройства, число граждан Центральной Азии, фактически зарегистрированных в России, несколько снизилось. Это может свидетельствовать о наличии некоторой настороженности среди трудовых мигрантов относительно будущей экономической и политической ситуации в России. Заметный рост притока денежных переводов в страны Центральной Азии в 2022 году также не следует принимать за свидетельство роста трудовой миграции. С большой долей вероятности, он произошел по причинам, не связанным с трудовой миграцией как таковой. К сожалению, доступные данные пока не позволяют проанализировать это более тщательно.

Несмотря на то, что мы предполагаем снижение притока денежных переводов из России

в будущем, пока неясно, будет ли это снижение отражать снижение денежных переводов, отправляемых трудовыми мигрантами из стран Центральной Азии своим домохозяйствам. В любом случае, принимая во внимание высокую зависимость домохозяйств в Таджикистане, Кыргызстане и, в меньшей степени, в Узбекистане, от денежных переводов из России, национальные правительства должны наблюдать за текущими тенденциями и иметь наготове меры госполитики для решения возможных проблем, в том числе развивать альтернативные рынки труда других стран для национальной рабочей силы, создавать рабочие места на внутренних рынках труда, поддерживать развитие трудоемких отраслей экономики в Центральной Азии.

Использованная литература

1. Alpaslan B., A Kayaoglu, J. Meckl, J. Naval, M. Vanore, and T. Ziesemer (2021). Economic Effects of Remittances on Migrants' Country of Origin, Chapter 20 in (eds.) K.Kourtit, B. Newbold, P.Nijkamp and M. Partridge "The Economic Geography of Cross-Border Migration", Springer.
2. Audretsch, D. B., D. Dohse, and A. Niebuhr (2010). Cultural Diversity and Entrepreneurship: A Regional Analysis for Germany. *The Annals of Regional Science* 45 (1): 55–85.
3. Becker S., and A. Ferrara (2019). Consequences of Forced Migration: A survey of recent evidence. *Labour Economics*, 29:1-16.
4. Brell, Courtney, Christian Dustmann, and Ian Preston (2020). The Labor Market Integration of Refugee Migrants in High-Income Countries, *Journal of Economic Perspectives*, 34 (1), 94-121.
5. Burchardi, K. B., Chaney, T., Hassan, T. A., Tarquinio, L. & Terry, S. J. (2020), Immigration, Innovation, and Growth, NBER Working Papers 27075.
6. Dolado, J, A. Goria, and A. Ichino. (1994). "Immigration, Human Capital and Growth in the Host Country." *Journal of Population Economics* 7 (2): 193–215.
7. Dustmann C., F. Fasani, T. Frattini, L. Minale, and U. Schonberg (2017). On the economics and politics of refugee migration. *Economic Policy*, 32(91), 497–550.
8. Edo A. (2018). The Impact of Emigration on the Labor Market. *Journal of Economics Surveys*, 33(3), 922–948.
9. Jahn V., and M., Steinhardt (2023). Immigration and New Firm Formation –Evidence from a Quasi-Experimental Setting in Germany, *International Migration Review*, 1-33.
10. Hunt, J. & Gauthier-Loiselle, M. (2010), 'How Much Does Immigration Boost Innovation?', *American Economic Journal: Macroeconomics* 2(2), 31–56.
11. Kamalov E., V. Kostenko, I. Sergeeva & M. Zavadskaya (2022). Russia's 2022 Anti-War Exodus. PONARS Eurasia Policy Memo N.790.
12. Kamalov E., V. Kostenko, I. Sergeeva & M. Zavadskaya (2023). New Russian Migrants Against the War: Political Action in Russia and Abroad Series "The Russian Crisis". Paper #5. Friedrich Ebert Stiftung.
13. Krawatzek F, I. DeSisto and G. Soroka (2023). Russians in the South Caucasus: Political Attitudes and the War in Ukraine, ZOIS report, May, 2023.
14. Lewis, E. (2011). Immigration, skill mix, and capital skill complementarity. *Quarterly Journal of Economics*, 126(2): 1029–1069.
15. Ottaviano, G.I.P. and Peri, G. (2012) Rethinking the effects of immigration on wages. *Journal of the European Economic Association* 10(1): 152–197.
16. World Bank (2023). Tajikistan Economic Update.
17. Российская экономика в 2022 году. Тенденции и перспективы. (2023) Выпуск 4444, Институт Гайдара, Москва: Изд-во Института Гайдара.

Вставка 1. Существующие обследования российских эмигрантов

Нам известно как минимум о трех исследовательских проектах, предоставляющих данные опросов российских эмигрантов в период после февраля 2022 года. Во-первых, это проект OUTRUSH (<https://outrush.io/eng>), в рамках которого проводились онлайн-опросы. Они были основаны на удобной выборке из 2300 респондентов в более чем 60 странах, набранных через онлайн-группы и каналы Telegram, посвященные реаллокации и. Наиболее представленными странами являются Турция (25% выборки), Грузия (23,4%) и Армения (15,1%), а три страны Центральной Азии – Казахстан, Кыргызская Республика и Узбекистан – составляют около 6,1% от общей выборки. На сегодняшний день было проведено две волны опроса: в марте и сентябре 2022 года. Эти данные дополняются также серией глубинных интервью с недавними мигрантами, проведенных в Тбилиси, Грузия, летом 2022 года. Основные результаты обсуждаются в серии публикаций (см., например, Kamalov et al., 2022, 2023).

Во-вторых, это проект Exodus22 (<https://exodus22team.wordpress.com/#about>), который провел онлайн-опрос около 900 российских пользователей Telegram каналов, посвященных переезду из России в Армению и Грузию. Были проведены две волны опроса, весной и осенью 2022 года, но общедоступны результаты только первой волны.

Третий проект проводила группа исследователей из Института ZOiS в Берлине. Он был также ориентирован на эмигрантов в Армению и Грузию, но в отличие от первых двух проектов опрос был основан на личных интервью, проведенных в период с ноября 2022 года по январь 2023 года. 853 интервью были проведены в Грузии (Тбилиси и Батуми) и 801 в Армении (Ереван). Основные результаты обсуждаются в работе Krawatzek, DeSisto and Soroka (2023).

